

ОБ ОБЩНОСТИ ЛИТОВСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ЖАТВЕННЫХ ПЕСЕН

В. Мисявичене (Вильнюс)

Песни жатвы — один из самых архаичных жанров песенного творчества литовского и белорусского народов — представляют большую ценность для изучения их культурных связей.

Благодаря капитальным работам литовских и белорусских фольклористов по систематизации и изданию жатвенных песен в последнее десятилетие сравнительное изучение их стало легко доступным. Очень важно, что этот материал — наиболее полный, подготовленный для научного исследования. В „Каталоге литовских народных песен” систематизировано 3627 текстов (в том числе 1005 с мелодиями) жатвенных песен, которые образуют 216 отдельных самостоятельных типов песен [1, р. 81–127]. В томе „Белорусского народного творчества” „Жатвенные песни” [2] опубликовано 1055 текстов (301 с мелодиями) белорусского жатвенного репертуара, в котором выделяются 386 типов песен.

Репертуар литовских и белорусских жатвенных песен объединяет: 1) песни на жниве и 2) песни за жина (только белорусские) и дожинок, т. е. его составляют песни, сопровождающие процесс труда, и песни, связанные с обычаями и обрядами жатвы.

Жатвенные песни, объединяющие трудовые и обрядовые, характерны не только для поэтического творчества литовцев и белорусов. Такой же сложной основой бытования отличаются жатвенные песни близкого и родственного литовцам латышского народа, а также славянских народов — украинцев, словаков, болгар. Другие славянские народы — русские, поляки — песен труда на жниве почти не знают. Я. Садовник в своих рекомендациях по систематизации польских песен такого материала не предусматривает и указывает только песни дожинок [3, с. 348]. Аналогично в системе русских песен В. Я. Пропп отмечает только дожиночные песни [4; 5]. Правда, И. Земцовский в сборнике „Поэзия крестьянских праздников” [6] опубликовал несколько русских песен на жниве, записанных в Псковской и Смоленской областях, граничащих с Белоруссией.

Жатвенные песни труда отличаются сложностью своей роли и разнообразием идейно-художественного содержания. Для литовских и белорусских песен примечательно их приурочение к определенной поре дня: одни песни предназначались для исполнения утром, другие — в полдень, третьи — к вечеру. Это распределение песен лучше сохранилось у литовцев. Для белорусских песен данных о такой конкретизированной их роли меньше, но они имеются [7, с. 741, 744 и др.]. Кроме того, большая общность содержания с литовскими песнями дает серьезные предпосылки для учета такой роли белорусских песен. Подобное распределение песен характерно и для болгарского народа, причем предназначение песен выявляется еще более конкрет-

но: по пути в поле, в полдень, в перерыве на отдых и т. п. [8; 9; 10, с. 846–847].

Зависимость песен от поры трудового дня имела важное значение. Соответствующая часть репертуара совместно с перерывами на отдых и питание помогала делить день монотонного и тяжелого труда на части, по-разному скрашивать их, соразмеряя силы и настроение работающих, учитывая задачи и интересы коллектива — толоки.

Более активную роль в процессе труда играют песни, предназначенные для исполнения утром и в полдень. Среди них можно было бы выделить песни, помогающие поддерживать темп работы, поднимающие на соревнование, подтягивающие отстающих, т. е. имеющие определенное влияние на организацию труда. Их содержание наиболее соответствует их функции, наиболее явно раскрывает связь с трудом, способом его выполнения, с организацией труда.

Песни вечера запечатлели не активизацию работы, а настрой натрудившегося человека. Какую-либо конкретизированную их роль (напр., по пути домой) отметить трудно. Их выделяет тематика: ожидание отдыха, суммирование сделанного за день, беспокойство о результатах работы. В них выражено обостренное усталостью чувство обиды за несправедливую оценку труда, несправедливое отношение к работнику. Здесь чаще, чем в других песнях, прорываются жалобы на угнетение в семье, подневольный труд крепостных и наемных работников, протест против угнетателей.

Исключительно самобытное явление для литовских и белорусских жатвенных песен — наличие значительного количества таких, содержание которых не поясняет их роли. В них поется о выборе невесты, залетах парня, сватовстве, отношениях в семье и т. п. Очень ценные, полные особого смысла, древней символики, они нередко отличаются и своеобразной формой. Большая часть этих песен построена на развернутом параллелизме: одна их ветвь посвящена природе, животному миру и служит параллелью для другой, отражающей отношения людей. Очень близкие им по идейно-художественному содержанию и форме песни встречаются в репертуаре календарных праздников и обрядов зимнего периода как у литовского, так и у белорусского народов. Память о функции таких песен хранится в традиции народа. Различать их помогают еще и рефрены, специфические для жатвенных и календарных обрядовых песен.

Большая общность роли литовских и белорусских песен на жниве в процессе труда отражается в не меньшей общности их идейно-тематического и художественного содержания. Это яркая отличительная черта творчества обоих народов, ибо такой большой близости, даже родства не наблюдается в песенном творчестве других народов. Напр., жатвенные песни труда родственного литовцам латышского народа отличаются от литовских несравнимо больше.

Около 40% записей литовских и белорусских песен на жниве выявляют различную общность их содержания и формы. Песни близки не только по тематике. Общие мотивы, а подчас и целые песни как бы

полностью получили свое воплощение на двух языках. Причем для обоих характерно исключительное обилие деминутивов.

Поиски общностей — не простой их учет, не установление какой-то степени близости. Располагая всем записанным материалом, можно с учетом общих мотивов, образов проследить их во всех вариантах, сравнить, оценить различные изменения, взглянуть на их исторический путь в культурной традиции двух народов. Записанный материал не всегда равноценен: иногда приходится сравнивать единственную запись песни одного народа с многочисленными вариантами песни данного типа другого народа, встречаются несоответствия функции и т. п.

Общие мотивы чаще звучат в близких по функции и тематике песнях. Напр., в песнях, цель которых — вдохновить на соревнование коллектив, одинаково восхваляются свои, прилежные жницы и порицаются отстающие, чужие, ленивые. Одинаково песни поднимают дух своих, молодых жниц, у которых серпы золотые (серебряные), которые поют так, что поле звенит. И напротив, их соперницы, чужие жницы, — старенькие, серпы их лубяные (ржавые) и поле дремлет без песен [ср. 1, Т¹ 256 и 2, 347а—е]. Или: свое поле ровное, звонкое, чужое — каменитое, дремлющее [ср. 1, Т 255 и 2, 53а, 278б].

Литовские и белорусские песни, поддерживая темп работы, одинаково подбадривают, подгоняют, призывают жниц подтянуться, напоминая им об угощениях, какие готовит хозяйка, какие обещает хозяин. Или просто сообщают, что в конце постати ждет водки бутылка, сыр на тарелке [ср. 1, Т 247, 282 и 2, 53б, е].

В литовских и белорусских жатвенных песнях нередки общие мотивы, отражающие архаическое олицетворение природы. Они часто повторяются в обращении к солнцу, тучам и особенно в отображении усилий жниц на постати: жницы постать гонят, а она бежит от них; от молодых жниц постать бежит быстро, а там, где жнут старые, — постать стоит; постать бежит в конец волоки и т. п. [ср. 1, Т 265—272 и 2, 282а].

В жатвенных песнях обоих народов выделяется общая тема о сироте-жнице. В песнях на эту тему имеется общий яркий мотив о жалобах жницы-сироты на свою долю, ее низкие поклоны земле (богу) и просьбы: если уж взяла земля мать, отца, пусть возьмет и ее, сиротинушку. В литовских песнях этот мотив встречается очень часто, он повсюду повторяется путем контаминации в свадебных, семейных и других песнях. В основном он принадлежит трудовым песням типа „Oi, kūliau, kūliau šiaudus be grūdų“ („Ой, молотила, молотила солому без зерна“) [ср. 1, Т 202 и 2, 263а].

Можно насчитать десятки общих песен, целиком получивших одинаковое или почти одинаковое воплощение на двух языках. Их особенно

¹Разделы „Каталога литовских народных песен“ обозначены буквами — „Трудовые песни“ (в них отдельный подраздел занимают жатвенные песни) — Т, „Песни календарных обрядов“ — К.

много в жанровой группе песен, по содержанию не связанных с трудом. Напр.:

Bėdavojo linelis,
Kad ankstyvas rudenėlis.
Nėr kada man užaugti,
Valaknėlės sukrauti,
Sėmenėliai sunokti,
Kas naktelė, tai šainelė,
Kas dienelė, tai vėtrėlė.
Bėdavojo mergužėlė,
Pas motulę beaugdama.
Bėda man mergužėlei
Pas motulę beaugant.
Nėra kada man užaugt,
Nei kraitelio susikraut,
Kas dienelė — tai bernelis,
Kas nedėlėlė — tai piršteliai*.
[11, 1242:293]

Бедаваў зялёны лён,
Пры дарозе стоячы:
— Ой, бяда ж мая, бяда,
Што сподзёная вясна:
Не дала мне вырасці,
Майму сямю выпеці!

Бедавала дзяўчыначка,
У таткі гуляючы.
— Ой, бяда ж мая, бяда
Ды э частымі сватамі:
Не далі мне вырасці,
Русай коскі выплесці! **
[2, 183а]

Подобные, по своему содержанию очень близкие, песни бывают иногда различны по функции. Напр., литовская „Oi gaigale, gaigale sierasis“ — песня зимних праздников, а почти идентичная белорусская „Сізенькі галубчак“ [ср. 1, Т 351 и 2, 137б] — жатвенная.

Среди вечерних песен много общих на тему отношений жницы-снохи со свекром и свекровью, о тяжелой доле снохи, радостных ее днях у матушки и беспросветных — у свекрови [ср. 1, Т 400, 422, 423 и 2, 98 в, г, ж, з, 210а]. Особой близостью отличаются песни о социальном гнете, несправедливости хозяев. Напр.:

Kad jau saulutė Да ужо сонейка
Už girios užsėdo. За лес коища,
Mano galvelė Мне маладзенькай
Prisilingavo, Дамоў хочацца:
Mano rankelės Да ужо ручанькі
Prisikrutėjo Нарабіліся,
Mano peteliai Да ужо ножанькі
Labai privargo, Нахадзіліся,

Mano kojelės Да ужо очанькі
Prisivaikščiojo. Наглядзеліся.
E pristovas Ужо прыставанька
Prisilojojo, Настаялся,
Prisilojojo, Настаялся,
Prisiarksėjo*** Набрахался****
[11, 707:178] [2, 74]

*Горевал леночек, что ранняя осень: некогда мне вырасти, волоконца укрепить, дать созреть семеню — что ни ночка, то заморозки, что ни денечек, то ветер. // Горевала девушка, у матушки подрастая. Горе мне, девушке, у матушки, некогда мне вырасти, ни приданое накопить — что ни денечек, то молодец, что ни неделюшка, то сватушки.

**Горевал зеленый лен, у дороги стоя: ой, беда ж моя, беда, что студеная весна. Не дала мне вырасти, моему семю приспеть! // Горевала девушка, у батюшки гуляючи: ой, беда ж моя, беда, да с частыми сватами. Не дали мне вырасти, русой косицы выплести.

***Как уж солнышко за лес село. Моя головушка накачалась, мои рученьки натрудились, мои плечики очень устали, мои ноженки находились, а пристав налялся, налялся, накаркался.

****Да уже солнышко за лес катится, мне молоденькой домою хочется: да уже рученьки натрудились, да уже ноженки находились, да уже оченки нагляделись, уже пристав настоялся, настоялся, налялся.

Ареал бытования этой песни выходит за границы Литвы и Белоруссии. Она встречается и в украинском репертуаре жатвенных песен [12, с. 58].

Литовские и белорусские жатвенных песни труда — почти отмирающий жанр. Их знают только пожилые исполнители как воспоминание прошлого. Вообще много жатвенных песен записано в единственном варианте или по несколько вариантов одного типа. Напр., литовских песен на жниве только по одному варианту записано 32%. Такое же количество типов песен встречается в 2–5 вариантах. Около 20% типов песен имеют от 5 до 20 вариантов. Это значит, что популярных жатвенных песен сравнительно мало. Малочисленные типы (1–5 вариантов) белорусских песен на жниве составляют около 80%.

Для жатвенных песен труда литовцев и белорусов характерна еще одна особенность — география их бытования. Литовские песни на жниве известны только на востоке и юго-востоке Литвы — в обширном крае, соседствующем с Белоруссией. На этой территории можно еще определить несколько регионов, отличающихся своим особым репертуаром. Это большой регион на юго-востоке вокруг центров: Варена—Друскининкай—Алитус; регион около Швенчёниса—Игналина—Гервечай; регион около Тракай—Кайшядориса до Укмерге. Еще необходимо отметить регион на северо-востоке, где больше всего записано сутаргинес — песен особого многоголосья. Белорусские песни труда на жниве записаны почти по всей территории, однако больше их к западу, к Гродненской области, а некоторые типы известны исключительно на западе. Во всяком случае, география бытования песен на жниве — очень важный компонент в комплексе данных об их традиции.

Жатва для крестьян была кульминационным моментом в круглогодичном цикле их страданий за хлеб, благосостояние. Вырастив хлеб, его уборку начинали и заканчивали торжественно, с соблюдением необходимых обрядов и обычаев зажинания и дожинок. Это нетрудовая часть жатвы, но необходимая, примыкающая к труду. Это возникшая из архаического мироощущения деятельность человека, направленная на сохранение живительной силы природы, ее постоянный круговорот. В обрядах зажинания и дожинок у литовского и белорусского народов есть много общего. Только песен зажинания у литовцев нет. Белорусских опубликовано тоже не очень много — всего 33.

Дожиночных песен литовских и белорусских известно много. В отличие от трудовых они бытовали по всей территории Литвы и Белоруссии, причем сохранили популярность до сих пор. Дожиночные песни в основном сопровождали обряд и обычай плетения венка после окончания жатвы и торжественное вручение его хозяину поля. Жнецы вручали этот символ продолжения плодородия ржи с рацеями, песнями. В обряде похода с венком в дом хозяина исследователи находят много общего с другими обрядами посещения дворов во время иных календарных праздников: коляды и волочебников [13; 14; 15]. Действительно, эта общность отражается и в строении дожиночных песен согласно формуле: 1) приход с венком, обращение к хозяину; 2) пожелание хозяину всякого добра; 3) упоминание об угощении. Не во всех песнях эта

формула полностью сохраняется. В зависимости от ситуации какая-либо часть опускается, переставляется путем импровизации. Однако отдельные элементы выступают явно. В них много общего для дожиночных песен литовского и белорусского народов.

Принеся венок, жнецы обращаются к хозяину с песнями, часто имеющими характерные, общие для литовцев и белорусов зачины: приходим с поля; гудит поле, гудит; толока с поля идет; открой нам, пане, ворота; выйди, батюшка, во двор и т. п. [ср. 1, Т 548, 545 и 2, 317, 323 и др.]. В этих песнях звучат также одинаковые для литовцев и белорусов мотивы о необыкновенных свойствах принесенного венка: он разукрашен, он из ржи (не из золота, не из руты) свитый, он в поле найден (не в городе куплен), его на голову надели, хозяину принесли и т. п. [ср. 1, Т 531–535, 537, 556 и 2, 307, 319, 323, 324, 327]. Далее выступают просьбы принять венок, принять толочников, которые очень устали, которые идут к хозяину с песнями, хорошими новостями [ср. 1, Т 538, 545, 546, 548, 556 и 2, 307, 319а–в, 330].

Эти новости — отчет хозяину. У литовцев и белорусов жнецы сообщают в песнях, что все поле сжали, в копны поклали; сжали поле до самой границы; нажали сто коп и т. п. [ср. 1, Т 482, 528, 545, 557 и 2, 317, 319а–в, 343ж]. Если сообщение аллегорическое, у литовцев чаще всего оно высказано мотивами: сколько в венке зерен, столько связали снопов; сколько в венке колосьев, сколько в поле поставили коп [1, Т 545, 546, 548, 557]. У белорусов: сколько на небе звездочек, столько наставили копочек [2, 308, 314а–д, 343в].

Такой своеобразный отчет хозяину имеет обрядовое значение. Это иносказательно выраженное пожелание, основанное на вере в магическую силу слова. В том же смысле следует оценивать мотивы в литовских и белорусских дожиночных песнях, восхваляющие богатство хозяина, его необыкновенный достаток: у пана (хозяина) новые амбары выстроены, соболями скамьи выстланы, перлами полы посыпаны, сам хозяин в бархате, зелено вино наливает, гостей угощает [ср. 1, Т 548 и 2, 324, 360а–б, 369в].

За дожиночный венок, за обрядовые пожелания жнецам полагаются угощения. Это обязательная часть обряда, и в песнях часто о нем упоминается. В литовских и белорусских песнях мотивы, которыми жнецы домогаются угощения, одинаковы: они жалуется на усталость, хвалят хозяина, распевая, как он ждал их, как расставлял и накрывал столы. Или просто требуют от хозяина водки-горелки, от хозяйки — сыра на тарелке, спрашивают, послал ли хозяин коня в город за музыкантом и т. п. [ср. 1, Т 549, 556–558 и 2, 319а–в, 321ж, 330а–г]. За угощения опять же сыплются традиционные пожелания, из которых наиболее часто у литовцев и белорусов звучит: если хозяйка не пожалеет сыра, бог даст ей сына [ср. 1, Т 557, 558 и 2, 319а–в, 321ж].

Есть литовские и белорусские дожиночные песни, все содержание которых — ожидание, даже требование угощений, да не простых: жнецы простой водки не пьют, они сами не простые [ср. 1, Т 545, 556 и 2, 324а, 333]. Если хозяин мешкает с угощением, в литовском и белорус-

ском репертуаре дожиночных песен целый арсенал злых намеков, шуток о скупости хозяина, о том, что он мало наливает, а хозяйка прячется от жнецов потому, что ей нечем их угостить [ср. 1, Т 246, 557, 564–567 и 2, 321в, е, 322а–в, 334а–в, 343з, 356, 376].

Общность литовских и белорусских дожиночных песен безусловно велика. Однако, прежде чем сделать выводы об ее истоках, характере, о том, что самобытно только для этих двух народов, а что является общим и с другими соседними народами, еще требует более глубокого изучения. Сравнительное исследование должно затронуть проблему балтских и славянских особенностей обрядовой поэзии вообще.

Проведенная до сих пор работа по изучению литовских и белорусских жатвенных песен наметила главные особенности их общности. И состав их репертуара, объединяющий трудовые и обрядовые песни, и дифференцированный характер их функции, и особенности связей их функции и тематики — все, что обуславливает основу бытования жатвенных песен, — у обоих народов совпадает. Общность песен, отдельных мотивов, особенности вариантности в типах песен, особенности их географического распространения, обнаруженные на этой основе, позволяют говорить о генетических связях жатвенных песен литовского и белорусского народов.

Сопоставление литовских и белорусских жатвенных песен позволило выделить общие мотивы, даже общие типы песен. Эти материалы из репертуара обоих народов как бы дополняют друг друга, расширяют возможности познания исторических путей развития песен и вместе с тем, создают благоприятные условия для того, чтобы углубиться в историю жанровых связей жатвенных песен. Закладывается и основа для изучения национальной специфики жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. Misevičienė V. Darbo dainos. Kalendorinių apeigų dainos. Lietuvių liaudies dainų katalogas. — V.: Vaga, 1972.
2. Беларуская народная творчасць. — Мінск: Навука і тэхніка; Ліс А. С. Жніўныя песні: Сб. песен, 1974.
3. Sadownik J. Z zagadnień klasyfikacji i systematyki polskiej pieśni ludowej. — Polska sztuka ludowa. Warszawa, 1956, No 6.
4. Пропп В. Я. Принципы классификации фольклорных жанров. — СЭ, 1964, № 4.
5. Пропп В. Я. Жанровый состав русского фольклора. — Русская литература. Л., 1964, № 4.
6. Земцовский И. Поэзия крестьянских праздников: Сб. песен. — Л.: Сов. писатель, 1970.
7. Federowski M. Lud białoruski. — Warszawa, Państw. wyd. naukowe, 1958, t. 5.
8. Болгарско народно творчество: Сб. песен. — София, 1963, № 8.
9. Болгарско народно творчество: Сб. песен. — София, 1965, № 13.
10. Кравцов Н. И. Песни жнецов в болгарском народном творчестве XIX в. — В кн.: Проблемы славянского фольклора. М., 1972.
11. Рукописный фонд литовского фольклора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР.
12. Круть Ю. З. Живварські пісні: Зб. пісень. — Київ: Наукова думка, 1971.

13. Milečetić I. Koleda u južnih Slavena. — In: Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb, 1917, kn. 22.
14. Horáková Z. České příspěvky k poznání slovanských koleg. — Český lid. Praha, 1969, N 2.
15. Vaclavik A. Slovanské prvky v české lidové kultuře, in Slovanství v českém národním životě. — Brno, 1947.

ZUR GEMEINSAMKEIT DER LITAUISCHEN UND BELORUSSISCHEN ERNTELIEDER

V. Misevičienė

Zusammenfassung

Die litauischen und belorussischen Erntelieder weisen viele gemeinsame Züge auf, die aufgrund der gesamten gegenwärtig in Sammlungen und Publikationen vorliegenden Materialien erforscht wurden. Das sind 3627 litauische (von 216 Typen) und 1055 belorussische Liedertexte.

Die Gemeinsamkeit der Erntelieder beider Völker äussert sich in der Funktion und im Ideen- bzw. Themengehalt. Der Bestand der litauischen Erntelieder steht dem der belorussischen sehr nahe: ein Teil von ihnen ist mit dem Prozess der Erntearbeiten, der andere mit den Bräuchen des Mahdbeginns (nur die belorussischen Lieder) und der Nachernte verbunden.

Die litauischen und belorussischen Erntelieder sind an bestimmte Tageszeiten gebunden: es gibt Morgen-, Mittags- und Abendlieder. Die vielfältige Rolle, die diese Lieder im Arbeitsprozess spielen, spiegelt sich auch in ihren komplizierten funktional-thematischen Beziehungen wider. Der Gehalt der meisten Lieder zeugt unzweideutig von seinen Beziehungen zum Arbeitsprozess. Eine gewisse Anzahl von den litauischen und belorussischen Ernteliedern weist jedoch keine direkte Beziehung zu den Arbeitsprozessen auf. Die ihrer Rolle nach verwandten Lieder beider Völker haben viele gemeinsame Motive, und der Gehalt dieser Lieder scheint in zwei verschiedenen Sprachen gleich gestaltet zu sein.

Die Nachleselieder, die mit der vollbrachten Ernte, dem Erntefest, verbunden sind, begleiten die in vielerlei Hinsicht nahestehenden litauischen und belorussischen Bräuche. Die Verwandtschaft dieser Lieder äussert sich auch im Gehalt.

Die festgestellte Gemeinsamkeit der Erntelieder, vor allem der ältesten, die zum Folkloreschatz beider Völker gehören, ist bei der Erforschung der belorussisch-litauischen kulturellen Beziehungen von Bedeutung. Eine Rolle sollen sie auch bei der Erforschung der Ethnogenese und der ethnischen Geschichte der Balten spielen.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВК	— Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией
АО	— Археологические открытия
АС	— Археологический сборник
БС	— Беларускія Старажытнасці Матэрыялы канферэнцы па археалогіі БССР і сумежных тэ- рыторій
ВЭИ	— Вопросы этнической истории эстонского народа
ДБ	— Древности Белоруссии
20 лет	— 20 лет. Материалы к отчетной конференции археологических и этнографических экспедиций Института истории АН Литов- ской ССР 1948—1967 гг. (Вильнюс, 13—15 мая 1968 г.)
ИДИБ	— Из древнейшей истории балтских народов (по данным архео- логии и антропологии)
ИОРЯС АН СПб	— Известия Отделения русского языка и словесности Акаде- мии наук
КСИА	— Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной куль- туры
КСИЭ	— Краткие сообщения института этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИАЛ	— Материалы и исследования по археологии Латвийской ССР
ОАК	— Отчет императорской археологической комиссии
ОЭ	— Отдел этнографии Института истории АН Литовской ССР
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПЭБ	— Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тезисы докладов
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография
ТР ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ТПОКЭ	— Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспе- диции
ЦГИА ЛитССР	— Центральный государственный исторический архив Литов- ской ССР
ЭФ	— Этнографическая фонотека Института истории АН Эстон- ской ССР
ЯН	— Языки народов СССР
ABS	— Acta-Baltico-Slavica
AE	— Arheologija un etnogrāfija
ENSV TAT	— Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised
FBR	— Filologu Biedribas Raksti
ILKI	— Iš lietuvių kultūros istorijos
LA	— Lietuvos archeologija

LAA	— Lietuvos TSR archeologijos atlasas
LAB	— Lietuvos archeologijos bruožai
LAR	— Latvijas PSR archeologija
LIM	— Lietuvos istorijos metraštis
LKK	— Lietuvių kalbotyros klausimai
LZAV	— Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis
LŽ	— Jablonskis K. Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinių kalboje
MADA	— Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai, serija A
RA	— Rocznik archeologiczny
RB	— Rocznik Białostocki
RTZS	— Referātu tezes zinātniskai sesijai, veltītai ... gada archeologiskiem izra- kumiem un etnogrāfiskai ekspedīcijai Latvijas PRS teritorijā
SM	— Senatne un Māksla
VwH	— Viehwirtschaft und Hirtenkultur
VzH	— Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa
WA	— Wiadomości Archeologiczne
ZASM	— Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par arheologu un etnogrāfu ... gada pētījumu rezultātiem

СОДЕРЖАНИЕ—INHALT

Предисловие	3
АРХЕОЛОГИЯ	
<i>P. Римантене.</i> Роль неманской культуры в образовании балтов	7
<i>R. Rimantienė.</i> Die Rolle der Nemunas-Kultur bei der Entstehung der Balten	11
<i>И. Лозе.</i> Нарвская культура и ее роль в этногенезе народов Восточной Прибалтики	11
<i>I. Lose.</i> Die Narva-Kulturen und ihre Rolle bei der Ethnogenese der Völker des Baltikums	20
<i>В. В. Седов.</i> Днепровские балты	20
<i>V. Sedow.</i> Die Dneprgruppe der Balten	29
<i>P. Волкайте-Куликаускаене.</i> К вопросу этнической принадлежности грунтовых могильников Центральной Литвы I—VIII вв. н. э.	30
<i>R. Volkaitė-Kulikauskienė.</i> Zur Frage der ethnischen Zugehörigkeit der Flächgräberfelder Zentral- und Westlitauens im 1.—8. Jh. U. Z.	38
<i>Э. Шноре.</i> К вопросу этногенеза латгалов	39
<i>E. Schnore.</i> Zur Frage der Ethnogenese der Latgalen	47
<i>И. Цимермане.</i> Керамика Дигнайского городища и некоторых других памятников селов как отражение контактов с племенами территории Литвы в конце I тысячелетия до н. э.—I тысячелетия н. э.	47
<i>I. Cimermane.</i> Die Keramik des Burgberges von Dignāja und einiger anderer Denkmäler der Selen im Licht ihrer Kontakte mit litauischem Gebiet am Ausgang des 1. Jt. v. u. Z. und im 1. Jt. u. Z.	55
<i>Э. Мугуревич.</i> Проблемы формирования латышской народности в средневековье (по данным археологии)	56
<i>E. Mūgurevičs.</i> Die Herausbildung der lettischen Völkerschaft im Mittelalter (aufgrund der archäologischen Befunde)	65
<i>Л. Вайткунскене.</i> Контакты между балтскими племенами на территории Литвы в X—XII вв.	67
<i>L. Vaitkūnskienė.</i> Zur Frage der Kontakte der baltischen Stämme in Litauen von 10. bis 12. Jh.	77
<i>М. Аун.</i> Взаимоотношения балтских и южноэстонских племен во второй половине I тысячелетия н. э.	77
<i>M. Aun.</i> Die Beziehungen der baltischen und südostnischen Stämme in der zweiten Hälfte des 1. Jahrtausends	90
<i>Ф. Д. Гуревич.</i> Культурные связи древнерусских городов на территории Белоруссии с Прибалтикой	91
<i>F. Gurewitsch.</i> Die Kulturverbindungen der altrussischen Städte in Belorussland mit Ostbaltikum	100
<i>Я. Г. Зверуго.</i> Славяно-балтские связи в раннем средневековье (по материалам Белоруссии)	100
<i>J. Swerugo.</i> Slawisch-baltische Kontakte im frühen Mittelalter	112

<i>В. И. Шадыро.</i> Древности балтов Белорусского Подвинья	112
<i>W. Schadiro.</i> Baltische Altertümer der belorussischen Flussgebiet von Dwina	123
<i>З. М. Сергеева.</i> Балтские находки в курганах Западной Руси	123
<i>S. Sergejewa.</i> Baltische Funde in den Hügelgräbern Westrusslands	131
<i>Я. Граудонис.</i> Строительство на территории культуры шрихованной керамики	131
<i>J. Graudonis.</i> Gebäude im Areal der Strichkeramik	142

АНТРОПОЛОГИЯ

<i>Г. Чеснис.</i> Этническая антропология балтских племен на территории Литвы в I тысячелетии н. э.	144
<i>G. Česnys.</i> Die ethnische Anthropologie der baltischen Völkstämme auf dem Territorium Litauens im ersten Jahrtausend u. Z.	157
<i>И. Бальчюнене.</i> Одонтология населения Литовской ССР	158
<i>I. Balčiūniene.</i> Der odontologische Typus der Einwohner Litauens	165
<i>P. Гравере.</i> Среднеевропейский одонтологический тип и его варианты на территории Латвии	166
<i>R. Grävere.</i> Der mitteleuropäische Gebisstypus und seine Varianten auf dem Territorium Lettlands	175
<i>Л. Хеаност.</i> Опыт изучения происхождения населения Прибалтики по группам крови (на примере эстонского материала)	176
<i>L. Heapost.</i> Zur Erforschung der Herkunft der Bevölkerung des Baltikums aufgrund der Blutgruppen (anhand der Materialien Estlands)	182
<i>И.-В. Найнис.</i> Антропологическая характеристика длинных костей современных литовцев	183
<i>J. Nainys.</i> Die anthropologische Charakteristik der langen Knochen der gegenwärtigen Litauer	187

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>В. Амбразас.</i> Некоторые следы балто-финских контактов в синтаксисе балтийских языков	188
<i>V. Ambrazas.</i> Spuren der baltisch-finnischen Beziehungen in der Syntax der baltischen Sprachen	195
<i>А. Ванасас.</i> Вклад родственных балтийских диалектов в литовский язык (по топонимическим данным)	196
<i>A. Vanagas.</i> Elemente der anderen baltischen Dialekte im Litauischen (Untersuchungen anhand von Toponymie)	201
<i>З. Зинкявичюс.</i> К вопросу о генезисе современных литовских диалектов	201
<i>Z. Zinkevičius.</i> Zum Problem des Ursprungs der gegenwärtigen litauischen Mundarten	206
<i>А. Брейдак.</i> Некоторые фонетические явления селонского языкового субстрата в северо-восточной Литве	206
<i>A. Breidaks.</i> Einige phonetische Erscheinungen des selischen Sprachsubstrats in Nordostlitauen	211
<i>Е. М. Катонова.</i> Балто-славянские контакты и проблемы этимологии гидронимов	211
<i>E. M. Katonowa.</i> Balto-slawische Kontakte und Probleme der Etymologie der Hydronyme	217

ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И ФОЛЬКЛОР

<i>Э. Гудавичюс.</i> „Литва Миндовга“	219
<i>E. Gudavičius.</i> Litauen Mindowes	227

Э. Тыниссон. К вопросу о возникновении основных типов крестьянского жилища в Прибалтике	227
E. Tõnisson. Über Ursprung der ostbaltischen Bauernhaustypen	239
P. Меркене. К вопросу о литовско-славянских этнокультурных связях в области животноводства (II половина XVI—XVIII в.)	240
R. Merkienė. Zur Frage der litauisch-slawischen ethnokulturellen Beziehungen auf dem Gebiet der Viehzucht (die 2. Hälfte des 16. Jh. bis zum 18. Jh.)	248
Л. Думпе. Этнокультурные связи латышей и соседних народов по данным экстенсивного молочного животноводства	248
L. Dumpe. Ethnische und kulturelle Beziehungen der Letten mit ihren Nachbarvölkern im Licht der extensiven Milchviehzucht	258
A. Вийрес. Общие для народов Прибалтики примитивные средства транспорта	259
A. Vitres. Gemeinsame primitive Transportgeräte der Völker des Baltikums	269
И. Тынурист. Народные музыкальные инструменты и этнокультурные связи народов Восточной Прибалтики	270
I. Tõnurist. Volksinstrumente und die ethno-kulturellen Verbindungen der Völker des Baltikums	276
В. Мисвявичене. Об общности литовских и белорусских жатвенных песен	278
V. Misevičienė. Zur Gemeinsamkeit der litauischen und belorussischen Erntelieder	285
Список сокращений	286

BALTŲ ETNOGENEZĖS IR ETNINĖS ISTORIJOS PROBLEMAS

Straipsnių rinkinys

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАЛТОВ

Сборник статей

Редакторы: М. Швецова, Л. Пушкорене. Художник Р. Тумасонис. Художественный редактор И. Зибукас. Технический редактор П. Банцявичюс. Корректоры: О. Богданова, Н. Кведорелене

Н/К

Подписано в печать 22.05.85. ЛВ 14674. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Гарнитура „Пресс-роман“, 10 пунктов. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,25. Усл. кр.-отт. 18,625. Уч.-изд. л. 21,34. Тираж 2000 экз. Заказ Цена 3 р. 40 к. Издательство „Мокслас“. 232050, Вильнюс, ул. Жвайгждю, 23. Отпечатано в типографии им. Мотеюса Шумаускаса. 232600, Вильнюс, ул. Страздялио, 1. 1486

П78 Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Сб. статей/
АН ЛитССР, Ин-т истории; редкол.: Р. Волкайте-Куликаускаене (отв.
ред.) и др. — Вильнюс: Мокслас, 1985. — 292 с., ил.
Рез. нем. Библиогр. в конце ст.

В настоящем сборнике публикуются статьи, подготовленные на основе материалов второй межреспубликанской научной конференции „Проблемы этногенеза и этнической истории балтов”, состоявшейся в марте 1981 г. в Вильнюсе. Ряд статей сборника посвящен образованию отдельных балтских племен и народностей, контактам балтов с соседями; рассматриваются вопросы этнической истории балтских народов. В книге освещаются вопросы отражения этнических контактов в музыкальной культуре и фольклоре.

П 0501000000—246 В—85
М854 (08) —85

ББК 63.5
902.7